

Михаил Шишкин

.....
*В лодке,
нацарапанной
на стене*

Михаил Шишкин

*В лодке,
нацарапанной
на стене*

Эссе, короткая проза

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш65

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В оформлении переплета использованы фотографии из личного архива автора и агентства *Vostock Photo*, а также картина ИОАХИМА ПАТИНИРА “Переправа через Стикс” (1520–1524)

Фото автора на переплете YVONNE ВОЕНЛЕР

Шишкин, Михаил Павлович.

Ш65 В лодке, нацарапанной на стене : эссе, короткая проза / МИХАИЛ ШИШКИН. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. — 380, [4] с. — (Михаил Шишкин: Уроки каллиграфии).

ISBN 978-5-17-150610-0

Михаил Шишкин родился в Москве в 1961 году, живет в Швейцарии. Автор романов “Записки Ларионова”, “Взятие Измаила”, “Венерин волос”, “Письмовник” и литературно-исторического путеводителя “Русская Швейцария”. Лауреат премий “Большая книга”, “Русский Букер” и “Национальный бестселлер”.

“В этой книге собраны тексты, написанные разным мной по мере приближения. Кто-то сказал, что культура возникла из чувства одиночества перед смертью. Есть легенда об узнике, приговоренном к пожизненному заключению в одиночке. Он годами черенком тюремной ложки царапал на стене лодку. И вот однажды ему принесли, как обычно, воду, хлеб и баланду, но камера оказалась пустой, а стена чистой. Он сел в свою нацарапанную лодку и уплыл.

Книга — это лодка. Нужно просто так оживить слова, чтобы лодка стала настоящей, чтобы в нее можно было сесть и уплыть к тем, кто тебя любит и ждет. Культура возникла не из одиночества, а из человеческого тепла”. (*Михаил Шишкин*)

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-150610-0

- © Шишкин М.П.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © ООО “Издательство АСТ”

Содержание

ПАЛЬТО С ХЛЯСТИКОМ

Пальто с хлястиком.....	11
Вильгельм Телль как зеркало русских революций	33
Кампанила Святого Марка	47
Родина ждет вас!	82
В лодке, нацарапанной на стене	103
Спасенный язык	117
Человек как объяснение света в любви	125
Урок каллиграфии	135
Гул затих... ..	165
Клякса Набокова	190
Кастрюля и звездопад	208

БУКВА НА СНЕГУ

Вальзер и Томцак	227
Больше чем Джойс.....	293
Бегун и корабль	320

Моей Жене

ПАЛЬТО
С ХЛЯСТИКОМ

ПАЛЬТО С ХЛЯСТИКОМ

Есть известная полицейская фотография Роберта Вальзера, сделанная на месте его смерти: зима, белый косогор, следы в глубоком снегу, человек, упавший навзничь, разбросав руки. Стариковская шляпа отскочила в сторону. Таким его нашли дети на рождественской прогулке.

Он описал собственную смерть в рассказе, опубликованном за полвека до своего последнего Рождества. Герой коротенькой истории — неприметный, неприкаянный, никому не нужный, к пущему несчастью в придачу еще и гений, властелин мира. Он устает быть ненужным и уходит от забот так: заваливает мир снегопадом и ложится в сугроб.

Знание собственной смерти все же не привилегия писателя. Просто его легко поймать за руку — в прямом смысле слова — рука записывает то, что ему в какой-то миг открывается. В жизни каждого человека есть такие прорывы. Дырки в материи. Пункты передачи. В такие моменты композитор по-

лучает мелодию, поэт — строчки, любящий — любовь, пророк — Бога.

В этот миг встречается то, что в обыденном не пересекается, живет порознь, видимое и невидимое, суетное и сокровенное.

Начинаешь дышать в такт с пространством, в котором все происходит одновременно — и бывшее, и еще не наступившее.

Сущее играло с тобой в прятки, пряталось за прошлым и будущим, как ребенок, который в прихожей втиснулся под шубы на вешалке, а теперь выскочил, потный, счастливый, заливается смехом, мол, вот он я! Как же ты так — ходил мимо и не видел! Теперь тебе водить!

В такую минуту увидеть собственную смерть — пустяк, потому что предстает в своей восхитительной очевидности знание, что я никогда не рождался, а был всегда. Вдруг приходит понимание: не нужно цепляться за жизнь, потому что я и есть жизнь. И это не я чувствую, что у леса прелый запах изо рта, а это вселенная принохивается к себе моими ноздрями.

Наверно, если чем-то можно измерить прожитую жизнь — то количеством этих отпущенных тебе встреч.

Очень хорошо помню, как я испытал это в первый раз. Мне одиннадцать. Запах горящих под Москвой торфяников. Мглистые дачные утра 1972-го. Привкус гари у всего, даже у горячей клубники с грядки. Мама едет в отпуск в дом отдыха на Верх-

ней Волге и берет меня с собой. Одно из моих первых путешествий.

Шли дожди, мы жили в отсыревшем комарином домике, и сначала было скучно, несмотря на то, что каждый вечер крутили кино, но потом погода наладилась, в столовой у нас за столом появился новый сосед, дядя Витя, и жизнь наша преобразилась. Мы с ним купались, катались по Волге на моторке, ходили в лес. Дядя Витя был жилист, златозуб, без конца смешил маму своими историями. Из его шуток я половину не понимал, но рассказывал он так, что не смеяться было невозможно. Мамин новый знакомый мне очень нравился. Еще меня сразило, что он работал в тонвагене. Наверно, уже тогда меня заволаживали слова.

Ну вот, без спроса называю того подростка мной, хотя совсем не уверен, что он согласился бы признать себя во мне нынешнем, седом, прожившем жизнь болезненным зануде с выпершим бесстыжим брюхом. Он очень удивился бы: какой же это я? Не знаю, нашелся бы я, что ему ответить. Вряд ли. Меня зовут как его — ну и что?

Из историй дяди Вити почему-то запомнилось, как в детстве, катаясь на коньках по реке, он с мальчишками иногда находил вмерзших в лед лягушек. Если на них пописать, они оживали и начинали шевелиться. А еще про войну. Он рассказывал про штрафников, которых могло спасти только ранение. Смысл свою вину кровью — возвращают награды и звание. И вот они устраивали самострелы — в руку

или ногу через буханку хлеба, чтобы не оставался пороховой нагар.

Мне в голову не приходило, что мама любила танцевать, а теперь она каждый вечер ходила с дядей Витей на танцы.

Однажды мама заговорила со мной каким-то непривычным голосом. Она попросила, если дядя Витя спросит меня о папе, ответить, что он умер.

Я удивился:

— Но ведь он не умер. Он просто переехал.

Она прижала мою голову к груди:

— Но ты же у меня умница и все понимаешь.

Я ничего не понимал, но кивнул.

И стал ждать, когда дядя Витя спросит меня о папе.

Странно было смотреть, как мама румянилась, пудрилась, подводила глаза, красила губы, прыскала себе на шею духами, делала маникюр — в нос бил острый запах лака. Я такой ее не знал раньше.

Мама была учительницей, преподавала русский и литературу, к тому времени она стала уже директором нашей 59-й на Арбате. Я ездил вместе с ней с первого класса через весь город — сперва с Пресни, где мы жили в коммуналке, потом из Матвеевской, где получили двухкомнатную в новостройке.

Понятно, она хотела, чтобы ребенок был под боком, в ее школе, но мне это сильно осложняло жизнь. Ее идеалом был какой-то учитель, преподававший математику и уже ушедший на пенсию. У того в классе учился сын, знавший этот предмет лучше всех, но когда отец вызывал его к доске, то даже на правиль-

ное решение задачи всегда говорил: “Садись, три”. Что-то подобное мне, например, пришлось испытать, когда наш класс делили, кому изучать английский, а кому немецкий. Я хотел пойти в английскую группу — и имел на это все основания, потому что немецким как бы наказывали тех, кто плохо учится: мол, будешь плохо учиться, пойдешь в немецкую группу. Я учился хорошо, но мама записала меня именно туда, куда я не хотел. Чтобы никто из родителей ее не смог ни в чем упрекнуть. На первом месте у нее была школа, а все личное, семейное — на втором.

Ее поколение выросло под плакатом “Родина-мать зовет!”.

Может, она и в Афганистан меня отправила бы не только с болью, но и чувством исполненного долга матери перед отечеством, если бы я не поступил после школы в институт с военной кафедрой. Не знаю. Кстати, очевидно, я до сих пор офицер запаса той несуществующей армии несуществующей страны. Принес ведь когда-то в военных лагерях под Ковровом клятву защищать до последней капли крови разбежавшуюся вскоре отчизну. Помню, нужно было поцеловать красное знамя, поднес к губам, а оно на меня пахло копченой рыбой. Наверно, наши начальники пили пиво с рыбкой и вытирали о бархатное полотно руки.

Тогда, в школе, я, конечно, не осознавал, как тяжело было маме и всем нашим учителям: перед ними стояла задача без решения — учить говорить детей